

Шедер Хузангай

(Рожд. 1907 г.)

одно село мое называется Сиктерме, что означает шест для колыбели. В наших местах сиктерме делали из гибкого дерева, больше из черемухи. Длинный черемуховый шест, подвешенный на веревке, одним концом упирался в потолок, на другом его конце висела колыбель из коры липы или вяза. Сгибаясь и выпрямляясь при качании, черемуховый шест заменял пружину.

По берегам речек Сиктерме и Инча, у слияния которых расположено наше село, буйно цвела черемуха, перевитая диким хме-

лем. Это было глухое место бывшей Казанской губернии; шестьдесят верст до ближайшей пристани на Волге, столько же до железнодорожной станции.

До шестнадцати лет качало меня Сиктерме в зеленой колыбели окружающих лесов и лугов. Пароход, паровоз, электричество, радио — все это были далекие чудеса детства.

Сиктерме находилось в центре целого куста чувашских селений, как бы островка, окруженного морем татарского и русского населения. Моя мать, искусная вышивальщица и кружевница, свободно говорила по-татарски, но запас русских слов у нее был ограничен. С большим чувством пела она народные песни. Первые понятия о прекрасном, о добром получены мною от матери. Ее песни были мудрым рассказом о нелегкой жизни.

Несмотря на антинародную политику царизма, разжигавшую межнациональную вражду, люди одинаковой судьбы всегда общались между собой. Я помню, как на татарских праздниках — сабантуях — участвовали и чуваш и русские. А во время весенних чувашских уявов (хороводов) русские девушки охотно надевали кебе и тухъя — национальный наряд чувашек; те, в свою очередь, щеголяли в сарафанах. Это были веселые, яркие народные гулянья.

Жизнь моя в родной деревне не была легкой. Приходилось учиться и помогать матери в крестьянской работе. Недород и голод 1921 года, смерть отца — все это подорвало наше и без того маломощное хозяйство. К тому же у нас еще украли лошадь. Надел земли пришлось отдавать «исполду». И все же я навсегда благодарен моему Сиктерме. Там я узнал и первые радости, и первые тревоги. Полюбил родную природу: каждое дерево, каждый цветок, каждая птица были неотъемлемой частью моего маленького мира. Там формировался мой характер, закалялась воля. Там мне впервые, как у нас говорят, «корова наступила на ногу» — я научился бороться с невзгодами жизни.

Восьми лет я пошел учиться. Застал еще два класса дореволюционной школы с ее «законом божьим» и телесными наказаниями.

Вскоре после революции школа была преобразована в восьмилетку, позднее — в десятилетку. В 1923 году я окончил восьмой класс и поступил в Казанский чувашский педагогический техникум. Затем учился, тоже в Казани, в Восточном педагогическом институте.

Вспоминаются годы гражданской войны. Кругом разруха. В холодной, плохо освещенной школе репетировали мы инсценировку рассказа Тургенева «Бежин луг» или поэму чувашского классика Константина Иванова «Нарспи». Эту поэму мы часто декламировали на школьных вечерах. «Нарспи» я прочел еще до школы и знал наизусть. История влюбленных — Нарспи и Сетнера — это наша первая любовь. Поэму знали все чуваше — грамотные и неграмотные.

В школе мы выпускали рукописный журнал «Голос учащихся». Я был неизменным секретарем его, вернее, переписчиком. В это время я и стал писать стихи. Вначале, разумеется, тщательно

скрывал, стеснялся показывать кому бы то ни было мои литературные опыты. Потом все же кое-что попало в наш журнал. «Голос учащихся» стал моим поэтическим трамплином.

Первые мои стихи были опубликованы в 1924 году. Это не значит, конечно, что я уже тогда пришел в литературу. Прежде чем стать поэтом-профессионалом, я работал и корректором, и судебным переводчиком, и статистиком, и журналистом, и черно-рабочим... Но ни разу за эти сорок лет не изменял я поэзии. В разных условиях — в ученье, в добровольных скитаниях, на фронте, в госпитале — везде я не переставал писать. Многие из написанного до поры до времени оставалось «для себя», а то и вовсе не публиковалось. Но потребность выразить свои чувства и мысли именно в стихах была неодолимой.

Мне посчастливилось за эти годы встретиться со многими большими мастерами поэзии разных народов. Горький и Маяковский, Тычина и Рыльский, Леонидзе и Судрабкалн, Багряна и Ламар, Хикмет и Гильен — вот имена тех, с кем я беседовал лично и кого переводил на чувашский язык. Из переведенной мною классической поэзии назову «Евгения Онегина» и «Полтаву», «Горе от ума», «Ромео и Джульетту».

Пишущие стихи обычно считают себя поэтами. Я тоже имею эту слабость. И не только потому, что мне присвоено звание народного поэта Чувашии. Глубокое внутреннее убеждение, очевидно, заставляет меня думать о себе так. Но время не спрашивает нашего мнения о нас самих. Пройдут годы, десятилетия — и многое отсечется, забудется. Какой будет судьба твоих стихов, покажет время. Незавидна доля художника, пережившего свои творения. Лучше бы, конечно, наоборот. Но.

Я ЖИВУ В РОССИИ

С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью — в час любой —
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!

Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.
Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник —
Все это сберегла Россия!

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои — не лен,
И сердцем я чуваш, и речью.
Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы,
Навек я с детства полюбил
Россию — родину свободы!

ТАТАРСТАНУ

(Отрывок)

Чуваш, рожденный в Татарстане,
Всегда я помню край родной.
Нет-нет и детство вдруг предстанет
Живой картиной предо мной:
Я вижу тех далеких лет
Неповторимо ясный свет.

Мальчишки в тубетейках ярких,
Мои ровесники, друзья!
Где вы, игравшие в день жаркий
На солнцепеке у ручья?
В какой теперь вы стороне
И помните ли обо мне?

Разгоряченные, босые,
Носились мы в степной пыли
И разбрелись по всей России,
Родные бросив ковыли.
Но детство... детство наше там,
По тем же бегают местам.

В соседних памятных селеньях
Татарин, русский и чуваш
Зовут друг друга с уважением
Иптэш, товарищ иль *юлдаш*.
Единый смысл трех разных слов
Понятен испокон веков.

* * * * *

БАКЕН

М. Я. Сироткину

Когда плывешь по Волге в час ночной,
Скрывается и вспыхивает снова
На черной глади зеркала речного
Неяркий свет. Он словно глаз живой.

Над Волгой тьма сгущается сурово,
Но, сумрачной колеблемый волной,
Не меркнет огонек над быстринной,
Во мраке ободряя рулевого.

Не каждому дано быть маяком,
Несущим в море свет свой благородный.
Желал бы я хоть малым огоньком
Светить над нашей ширью полноводной.
Как друг, он рулевому говорит:
— Горю, не гасну. Путь вперед открыт!

ПУШКИН

Как часто в дни, когда я дома
С самим собой наедине, —
Не с книжной полки пыльным томом, —
Живым приходит он ко мне!
Горят каштановые пряди
И синеватые белки.
Порыв и мудрость в ясном взгляде,
Движенья быстры и легки.
И эти пальцы. . . Я впервые
Как будто ощущаю их:
Они горячие, сухие, —
Рождается в горенье стих!
Как горестно, что бездыханным
Упал он в снег, ушел во тьму
С кольцом на пальце, с «талисманом»,
Что все же изменил ему!
С годами мне слышнее этот
Могучий голос всех страстей,
С тревогой в нем ищу ответа
Мечте мятущейся моей. . .
В отчизне ко всему причастен,
Храня ее красу и честь,
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть!

